

IV. 17-е марта

[83]

Ряд интересных событий развёртывается перед нами. Народ уверенный, что спасения ему надо ждать от правительства, но недовольный способом исполнения этого февральским правительством, а потому национальным собранием вверенного им поручения, предпринимает ряд манифестаций (17-го марта, 16-го апреля, 15-го мая, 24-го июня), с целью побуждения правительства к действию. Эти народные попытки заставить правительство действовать революционно приводят к противоположному результату: правительство всё крепче и крепче запирается в своём *non possumus*[84], а так как народные требования с каждым разом делаются всё настойчивее и грознее, то и правительство каждый раз вынуждено для своей защиты возводить новые укрепления и увеличивать боевые силы власти. С этой целью власть каждый раз переходит в руки партии всё более реакционной, пока вся серия не будет пройдена и пока она не придёт, наконец, к католическому абсолютизму, за которым отступить уже некуда.

Таким образом, оказывается, что, вверив судьбу революции в руки правительства, народ этим самым подготовил против революционной и социалистической идеи самую страшную реакцию.

Начнём с истории манифестации 17-го марта.

Временное правительство было составлено из элементов самых разнокалиберных. Здесь на ряду с недавними роялистами, как Ламартин[85], заседали формалистские и парламентские республиканцы школы *Националя***[86]**, как Бастид[87] и Марра[88], якобинцы, как Ледрю-Роллен, правительственные социалисты, как Луи Блан. Народ, приписывая бессилие правительства этому недостатку внутреннего единства, думал, что надо произвести в нём очистку и что, если бы удалось учредить правительство сильное и согласное с народом, оно могло бы победить препятствия, перед которыми останавливались люди 24-го февраля, решить затруднения, казавшиеся им непреодолимыми, и совершить революцию.

К этому прибавляли, что, переделав таким образом правительство, надо бы дать ему свободу действовать, пока оно не закончит своего дела; для этого необходимо как можно дальше отсрочить всеобщие выборы, которыми закончится срок власти временного правительства.

Ввиду этих двух целей – очистки правительства и отсрочки общих выборов – была затеяна манифестация.

Не трудно было найти предлог к ней. Правительство уничтожило отборные роты национальной гвардии, состоявшие из самой богатой буржуазии и носившие в знак отличия меховые кивера. Эта мера очень озлобила тех, кого она касалась, и 16-го марта они в

большом числе направились к ратуше, чтобы протестовать против своего роспуска. Эта забавная манифестация потерпела фиаско под насмешками толпы и от неё сохранилось лишь историческое воспоминание как о *дне меховых киверов*.

Но народ воспользовался этим случаем, чтобы организовать на завтрашний день контр-манифестацию, которая имела заявленной целью выразить правительству торжественное письмо доверие народа, но в тайне должна была привести, если обстоятельства позволят, к программе очистки правительства.

Но тут являлся вопрос щекотливый: в случае перемены состава правительства, какие новые элементы ввести в него? Луи Блан, главный зачинщик манифестации 17-го марта (в то время пользовался большим влиянием на рабочие корпорации, которым в своих лекциях в Люксембургском дворце развивал свою теорию организации труда; эти корпорации и составляли главное ядро манифестантов) – Луи Блан, говорим мы, желал очистки правительства, но с одним условием – чтобы результатом её было сосредоточие власти в руках его и его друзей; он ни под каким видом не хотел допустить риска того, чтобы его влияние в правительстве кто-то затмил своим.

Между тем, хотя манифестация готовилась, главным образом, стараниями Луи Блана, было далеко неверно, что очистка правительства совершится именно в его пользу. Дела могли повернуться так, что все выгоды предприятия достались бы революционному агитатору Бланки[89]. Хотя, не располагая значительными силами, Бланки своей деятельностью и энергией мог бы в решительную минуту овладеть положением, и тогда оказалось бы, что Луи Блан работал для учреждения диктатуры Бланки! Перспектива столь неприятная, что над этим стоило призадуматься.

И вот, когда манифестанты в числе двухсот тысяч человек, выстроившись по корпорациям, каждая со своим знаменем, предстали пред Ратушей, Луи Блан ещё не решил, что ему делать – следовать ли до конца начертанной программе и велеть выкинуть из окна часть своих соправителей или в последнюю минуту отказаться от затеи очистки и соединиться с большинством правительства, чтобы отразить ужасную опасность возможной диктатурой Бланки.

Он сам повествует о событиях этого дня и о своих впечатлениях в решительную минуту.

“Мы были в ожидании, говорит он. Вдруг на одном конце Гревской площади является тёмная и плотная масса. То были корпорации. Они следовали одна за другой на равных интервалах, шествуя со своими различными знамёнами; они шли торжественно, в молчании, в порядке и стройно, как армия ...»

«Делегаты вошли в Ратушу, и один из них, гражданин Жеро, начал читать петицию; в это время я заметил в числе присутствующих *незнакомые лица*,

выражение которых имело в себе что-то *зловещее*»

«Я тотчас понял, что лица, не принадлежавшие к корпорациям, замешались в движение и что люди, явившиеся в качестве депутатов от толпы, не все были настоящими или по крайней мере одинаковыми депутатами. Были люди, нетерпеливо желавшие низвергнуть в пользу мнений, представляемых Ледрю-Ролленом, Флоконом[90], Альбером[91] и мною, тех из членов временного правительства, которые представляли враждебные мнения»

Это не могло слишком озабочивать Луи Блана, как он хочет уверить нас. Озабочивала его возможность замещения удалённых членов правительства такими людьми как Бланки. Эти *незнакомые лица со зловещим* выражением лица (точно честный и умеренный республиканец, говорящий об июньских бунтовщиках!) была партия Бланки.

В другом месте Луи Блан говорит откровеннее:

“ «Как было воспрепятствовать планам тёмных агитаторов, если они действительно замыслили вызвать грозу из двинутой толпы?»

Как? Луи Блан не долго думал. Единственным средством устранить Бланки было отступить от той части программы, которая требовала очистки правительства, и ограничиться отсрочкой выборов. Надо было, стало быть, уступить народному желанию в деле выборов, но, вместе с тем, поставить ему условием сохранение во всей целостности временного правительства. Луи Блан взялся сам преподнести народу эту пиллюлю. Благодаря его влиянию на корпорации, его выслушали; Барбес[92] из ненависти к Бланки взял сторону правительства, равно как Кабе и другие влиятельные народные вожди; и не смотря на усилия Флотта[93], Юбера, Бланки и их друзей, народ, которого угостили ещё речами Ледрю-Роллена и Ламартина, разошёлся, оставив на своих местах членов правительства, которых по приглашению Луи Блана пришёл гнать вон и которым, благодаря повороту того же Луи Блана, выразил теперь своё полное доверие. Члены правительства вышли на балкон, и комедия кончилась церемониальным маршем.

Такова была первая ступень этого длинного ряда реакций, всё более и более тёмных, которые должны были привести к выборам 10-го декабря и к римской экспедиции. Проникнутый правительственным предрассудком и желая осуществить посредством государства революционную программу, Луи Блан не мог согласиться уступить власть другому; чтобы сохранить эту власть – бессилие которой в деле революции должно было вскоре сделаться очевидным – он не колебался соединиться с консервативным большинством временного правительства против демагогии черни.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 18:54:28

Зверобой обновил 11 апреля 2025 18:55:27